

18+

Лука Люблин

Всякая Всячина

|

Лука Люблин

Всякая Всячина I

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57101330

SelfPub; 2020

Аннотация

Эта книга представляет из себя сборник небольших рассказов на разные темы.

«Он блудил и читал газеты»

– Бедный Гриша, знал бы ты как быстро проходит мимо тебя жизнь! – говорил статный мужчина, но при этом манеры совершенно не блистали снобизмом, как это могло бы быть. – Друг мой, ты же знаешь, что я решу эту проблему вмиг.

Он закурил сигару и сел на стул за кухонный стол. Собеседник, который не выделялся живостью в разговоре, сидел на диванчике, устало запрокинув голову на спинку, и не был прочь не поддерживать этот плывучий монолог своего товарища. Разница в годах между ними была значительной, но этот фактор никак им не мешал, а может даже наоборот сближал.

– Говорю тебе, зря убиваешься. – сказал мужчина, выпустив дымку табака в воздух и положив элегантно ногу на ногу. – Так не далеко и до протрации.

– До чего? – издал голос собеседник, не открывая глаз.

– Ха-ха! – усмехнулся он тихо и коротко. – Протрация, если простыми словами – состояние полного пофигизма.

– Угу... —ограничился он этим и продолжал сидеть в том же положении.

Комната наполнялась запахом затхлого, крепкого табака, дым которого витал под потолком. Грише совсем не мешал этот запах и давно уже привык к нему, однако настроение его однозначно, в тот момент, не было на высоте счастья. Его дорогой товарищ это видел и всеми усилиями старался вы-

тащить Гришу из этого состояния, в которое он впадал, скорее всего, нечасто, но при этом, если это происходило, то продолжалось вполне себе долгое время.

Мужчина, оскалив зубы и держа сигару в них, достал пенсне и защелкнул им нос. Гриша приоткрыл глаза и, когда заметил вид своего товарища, издал тихонький, протяжный, но при этом слышный смешок.

– Что такое? – спросил он у него с кривой улыбкой. – Рад встретить твое радостное личико.

– Что ты надел на нос? – спрашивал Гриша, устало щурясь и держа эту расслабленную, беспечную ухмылку.

– Пенсне, друг мой, пенсне называется. – он выпустил изо рта клубок дыма, вытянув свою шею, под растянутой кожей которой выпирала точка кадыка. – Зрение, к сожалению, уже начинает меня подводить. Что ж поделать...

Гриша смотрел на него некоторое время молча и затем еще громче засмеялся, чего он скрывать уже никак не мог.

– Старичок, вижу старость не радость. Ха-ха! – залился он смехом, выпрямив свое тело и направив взгляд на собеседника. – Удивительно как ты всегда ставишь себя в самые удобные для тебя положения! Ха-ха! Вчера у тебя вся жизнь была впереди, а сегодня ты резко постарел. Такими темпами, боюсь, завтра ты вообще будешь при смерти, ха-ха!

Мужчина улыбался и дружески начал оправдываться, прекрасно понимая, что таким образом можно хорошо привести Гришу обратно в чувства:

– Слушай, я же-то не вру. Я старше тебя на два десятка, разве нет? А то, что у меня вся жизнь впереди – так это правда. Я, слава богу, не ты, ха-ха, и не буду убиваться ради глупостей.

Гриша поднял свое тело и подошел к раковине, чтобы налить холодной воды себе в стеклянную кружку, из которой он пьет любую жидкость, даже порой в тяжелые периоды, алкоголь.

На окнах висели белые, уже изрядно испачканные белые шторы, со множеством пятен в разных частях ткани. Бледный луч солнца, уходящего в закат, с трудом обошел преграду, найдя выход сбоку, где была щель, направленная на переднюю часть плиты, где располагались четыре черных кружка, регулирующих огонь. Статный мужчина смотрел на множество белесых пылинок, порхающих в конкретном диапазоне света, и прикладывал иногда к губам сигару. Гриша, положив одну руку на подоконник, а другой держа кружку воды и не сводя взгляда с грустного, но при этом успокаивающего пейзажа, спросил:

– Ты правда думаешь, что дело только в этом?

Мужчина тоже никак не проявил внимания и ответил как бы в воздух, не повернув к Грише взгляда:

– А я не прав?

Они замолкли. Гриша, щурясь, рассматривал верхушки деревьев, которые на угасающем свете приобрели очень нежный оттенок. Затем, он опустил свой взгляд в самый низ

и увидел молодого человека, просто сидящего на скамейке. Пока он показался ему уж больно подозрительным и хотел было позвать своего товарища, но вдруг вспомнил, что знает этого человека, при том не виделся он с ним уже как года четыре. Гриша, прежде тем подумать, сразу позвал своего собеседника:

– Смотри! – кивнул он в направлении молодого человека. – Знаком?

– Нет. – ответил он равнодушно глядя вниз.

– Знаешь... – сказал Гриша и отвернулся от окна. – Пойдем прогуляемся. Ты был прав, нужно развеяться.

Они вышли на улицу. Гриша подсел к человеку на скамейке и пообщался немного, стараясь помочь ему вспомнить себя. Спустя полчаса они втроем шли по уже темной улице, освещенной в некоторых частях фонарями. Вечер, а затем и целую ночь они провели в баре. На следующее утро, Гриша лежал на диване и сонно поднял свою тяжелую голову, со следами покрова дивана на левой щеке. Веки с трудом держались открытыми, краешки рта были шершавы из-за засохшей за ночь слюни. Он взял в руки пульт, попробовал включить, но ничего не получилось. Несколько раз ударив его по мягкому покрытию, он опять нажал на красный кружочек, но телевизор все никак не хотел включаться.

– Да и черт с ним! – пробурчал Гриша и откинул в сторону пульт.

До его слуха донеслись звуки царапающейся друг об дру-

га посуды из кухни. Он медленно привстал, сделал первые шаги, раскачиваясь в разные стороны, но затем понял правильный способ и нормально дошел до кухни, без каких-либо инцидентов.

Его товарищ сидел опять с сигарой в зубах, положив ногу на ногу. На кухонном столе лежала газета. Гриша постоял некоторое время в тишине и просто смотрел на его профиль. Только после того как их взгляды столкнулись, Гриша сказал низким, мертвенно-спокойным голосом:

– Ну, как ты и хотел, так ведь?

Мужчина просто улыбнулся и выпустил изо рта клубок дыма.

Потерянный человек

* Ну, что я могу сказать... Интересно было последить за собой в последние недели. Скорее даже грустно, ха! Все же хорошо, что я решил приступить к написанию своих собственных мыслей насчет моего состояния да и в общем обо всем, что произошло со мной за последнее время. Без понятия к чему это приведет (почему-то есть некое ощущение внутри, что к чему-то плохому), но хотя бы это будет моим своеобразным завещанием, в котором ничего не будет о физических ценностях. На сколько меня хватит? – вот этим вопросом я и задаюсь в данный момент. Хотелось бы надолго, но этого никто не может знать, даже сам я. Очень расплывчато, понимаю, стоит, наверное, к сути перейти уже завтра.

* Прошло три дня. Это было ожидаемо, но да ладно. Сто-

ит уже начать, пока есть желание. Хотя, тоже странно к чему я это все делаю? Для кого?.. Извините, эти очередные вопросы отдаляющие повествование стоило сюда добавить – Мне хочется сделать эти записки максимально живыми и текучими, поэтому буду стараться запечатлеть на странице все свои чувства, будь они и не совсем к месту. Так вот...

Уже прошел месяц как я закончил свою школу и получил аттестат. Оказывается, депрессия правда существует. До того момента мне казалось, что все это по большей части надуманно и преувеличенно. Я сам, как выяснилось, пребываю в таком состоянии чуть ли уже не два года. Почему два? Это мое предположение, которое скорее всего является правдой; ни к какому терапевту я не ходил. В общем, началось это после окончательного осознания того, что во мне нуждается исключительно моя близкая семья – которая, к сожалению, меня никак не понимает – и все. Так таковых друзей у меня не было и до сих пор нет, скорее я бы назвал их знакомыми, среди которых кто-то мне ближе и наоборот – но по-настоящему назвать кого-то другом я никак не могу. Однако, я не исключаю и того факта, что на самом деле понятия дружбы у меня сформировано неправильно, из-за чего я делаю такие выводы. Сколько бы я над этим не думал, но к другому мнению прийти самостоятельно так и не смог... Жаль.

В общем, помню был один мой товарищ (на тот момент я считал его прямо настоящим другом), с которым я до сих пор знаком и не держу на него зла – это стоит уточнить. Я

его всегда звал на разные прогулки и искренне хотел с ним провести время. Мне всегда было хорошо, но после нескольких таких выходов у меня начало красться сомнение, что ему не так весело. Почему? В основном, звал его только я и не помню ни одного раза, когда он проявил инициативу, кроме, пожалуй, одного исключения, которого я не помню, но скорее всего оно было. И вот так, со временем, сидя у себя в комнате и обдумывая все это, я забился в себя. Родители не обратили на это внимания и поддерживали темп жизни, не прерываясь на мои проблемы, хотя стоило бы.

Я то сидел, то лежал, то ходил и происходили эти действия исключительно в квартире – за ее пределы выходить не было никакого желания. Сейчас, вспоминая весь этот маленький период моей сильной психологической утомленности и обеспокоенности, я начинаю ощущать безумно неприятные ощущения в груди. Наверное, это характерно для больной ностальгии.

Товарищ мне не писал да и не хотелось уже, так как состояние мое достигло того пика грусти, которая переросла в беспричинную ненависть, при том направлена она была ко всем, включая меня самого. Ночные слезы в подушку перемешивались с жестокой борьбой против этой слабости, путем проявления максимальной ненависти – в первую очередь на самого себя. Меня бесил тот факт, что подсознательно мне хочется быть жалким и почувствовать какую-то внешнюю поддержку от других – это меня вымораживало. Были из-за этого и

истерики, но происходили они, конечно, только, когда дом был пуст. Ужасно воспроизводить это сейчас опять, смотря со стороны на некую замысленную сцену моих психозов в прошлом.

* Настал следующий день. Вчера меня резко прервала мать и я даже не успел нормально закончить. Вот...

Тот небольшой период был ужасен. Злость из меня никак не выходила, а вспылнуть на кого-то, чтобы выпустить это все из себя никак не получалось. Приходилось бороться с самим собой внутри, что тяжело и изнурительно. Но, со временем, посмотрев огромное количество бессмысленной информации в интернете и разные фильмы, я пришел к весьма правильному выходу: «Да, быть может я никому и вправду не нужен, но зато у меня всегда есть я, что уже неплохо; а с самим собой мне хорошо. И люди ни в чем не виноваты – это их дело выбирать с кем стоит проводить время, а с кем нет». Пришел я к этому, как можно понять, не сразу, но и это весьма похвально.

Теперь же, состояние мое не такое удручающее, но однозначно не веселое. К сожалению, сейчас происходит этот переход во взрослую жизнь, о которой так мечтают и мечтали мои сверстники, но точно не я. Что меня вообще ожидает? Как я буду дальше жить? Уже устал я задаваться этими бесконечными вопросами, которые так и наплывают из неоткуда в мою голову.

Школу я-то закончил, но что будем делать с высшим об-

разованием? Никакое из направлений мне неинтересно, кроме, пожалуй, одного, но оно мне не даст никаких финансов. Конечно, я прекрасно понимаю, что выбирать нужно исключительно сердцем и прийти к тому решению, которое будет для меня самым оптимальным. Но, несмотря на все мои умственные процессы, усердно протекающие уже больше двух, трех месяцев, я ни к чему не смог прийти. Родители каждый раз задают вопросы, на которые я не могу ответить и не хочу; приходится всегда как-то аккуратно уходить от этих неприятных и назойливых разговоров.

Ну это конец, вот и все, что я еще могу сказать?!

* Сегодня в очередной раз ко мне подошел отец и начал интересоваться моими планами на будущее, которых, как вы поняли, у меня не было. Как же это тяжело, просто фантастика! Я и так не особо откровенничал с ними, а теперь так вообще закрылся от них. Наверное, это неправильно и их стоит понять, но тратить на это время и свои нервы я не горю желанием. Слишком сейчас мне тяжело...

Стоило бы прогуляться немного на свежем воздухе, но боязнь встретить знакомых сразу отторгает от меня эту весьма благоразумную идею. Очень уж стал я асоциален за последнее время, при том я и до этого не был особо разговорчивым, болтливым человеком. Но интересно, хочется ли мне вообще иметь много друзей и проводить с ними как можно больше времени? Пожалуй, как бы не выглядел я жалко, но хочется, хотя желанием этим я не одержим. Хорошо сидеть в

интернете и просматривать разную интересующую меня информацию, которой таковой в свободной сети предостаточно. Но все дни так сидеть тоже не вариант, поэтому приходится искать чего-то новое, однако эти старания никогда не увенчиваются успехом, из-за чего впоследствии я впадаю в эту крошечную тьму, из которой выход найти очень долго и тяжело.

Правда очень грустно... Порой – даже часто – ненароком возникают мысли о самоубийстве. Пока что решится на такое я не осмелился, но если ситуация в ближайшее время не изменится, стоит ожидать чего угодно. Хотя... Разве хватит у меня смелости сделать этот роковой и важный шаг? Не думаю... Мне кажется я идеально подхожу под определение слова – ничтожество.

* Не знал, что можно не спать на протяжении двух дней и при этом оставаться в достаточно бодром состоянии. Было ожидаемо, да и думал я об этом слишком уж часто... – здесь я говорю про наркотические вещества. Как только появилась возможность я не упустил шанса и приобрел несколько штук. Зависим я не стал, во всяком случае мне так кажется, пока; но все может быть. Страхом ничего меня не пугает – но вот этого-то я и побаиваюсь. Во мне совершенно не присутствует того ощущения падения куда-то в бездну, на дно этой жизни; но многих людей это защищает от зависимости.

Сейчас у меня ничего больше не осталось. Я заюзал все, что у меня было (то есть пять таблеток). Ощущения были ин-

тересные... Но один раз, где-то глубокой ночью, когда бессоница мною овладевала, я решил взять одну и проглотить, что было моей, пожалуй, большой ошибкой. Действие началось спустя двадцать минут и это было пока безумно приятно, но потом что-то пошло явно не по правильному сценарию: меня охватил пот, я жмурил глаза со всей силы и сжимал усердно челюсть, из-за чего желваки выступили наружу. В темноте пролетало множество разных непонятных силуэтов, которые не давали мне никак покоя. Помню, один раз я все же решил открыть глаза, но после этого сразу пожалел: резкий свет (хотя комната находилась в темноте) ударил мне в лицо, очертания знакомых мне предметов вокруг меня расплывались в разные стороны, затем начала кружиться голова. Я сомкнул веки и не открывал их до самого утра.

Когда я, так и не заснув, встал с кровати – все вернулось на свои места, но некое похмелье присутствовало. Спустя, наверное, только три часа я сел за стол и начал писать.

Пиша сейчас эти строки и переводя взгляд то на потолок, то на лампу, из-за которой перед глазами предстают темно-синие пятна – я все же продолжаю жить тем же самым темпом. Ничего не изменилось, хотя и усилий никаких не прилагал. Тупо... Вот так вот пройдет жизнь впустую, и что? К чему вообще стоит продолжать то, что сейчас происходит? Да, все же очень легко потерять смысл жизни и для этого не нужно обладать большим умом или же наоборот. На данный момент, хоть и я часто об этом задумываюсь, но жить

мне хочется. Мне не хватает рядом понимающего человека, который хоть как-то смог бы меня поддержать. Судьба, перенасыщенная жестокостью, не даст мне никогда шанса встретить такую личность или хотя бы намека на правильность моих действий и мыслей. Наверняка же есть люди с прирожденной удачей и им невозможно не завидовать. Не могу даже себе представить какого это быть таким счастливымчиком...

* Прошла неделя. Лучше не стало. Было это ожидаемо? Да. Успокаивает ли это меня? Нет.

Родители уехали в деревню на выходные. Дома один, делать, как всегда, нечего... Решил вот сейчас сесть и немножко пописать своих мыслей, хоть и смысла большого в этом нет – даже для меня самого, потому что таким образом я никак не снимаю с себя лишнего бремени (как я мог бы предполагать до этого). Зачем мне тогда вообще этим заниматься?.. Ну, на всякий случай. Вдруг, спустя года, у меня будет протекать нормальная, счастливая жизнь – что меня сейчас смешит – и, перечитывая эти строки в будущем, я буду смотреть на этот пережитый период с ностальгической улыбкой. Звучит, конечно, замечательно, но, пожалуй, одновременно с этим и утопично.

Вообще ничего не хочется делать. Такое происходит часто, но чтоб так провести целый день – это уже что-то новенькое. Раньше хоть в интернете сидел... Но как эксперимент тоже интересно посмотреть на себя за ничегонеделанием весь день. Хах!

Грустно, на самом деле. Потерянный я, человек, потерянный.

Странствующий

Стоял летний жаркий вечер. На углу небольшой улицы, где располагался вход в местный цирк – стоял молодой человек, лет шестнадцати на вид. Телосложение его было слишком худощавым; кости локтя отчетливо выпирали под кожей; сами руки при ходьбе до конца никогда не разгибались и сильно не раскачивались. Также физиологически хорошо выделялось его сутулость, что сразу бросалось в глаза. Даже начали уже проявляться черты будущего горба на старом, дряхлом теле.

Самого парня его внешний вид не особо беспокоил и было понятно, что никакие укоры от других людей его никак не заденут. Его отношение к жизни определить было бы очень тяжело, не имея близкой с ним связи, что представляло собой невозможную задачу, однако одному человеку все же получилось протиснуться в его маленький – а может и нет – мирок. Для этого он не прикладывал никаких усилий – что стало главной причиной успешности этого предприятия. Но к его нововыявленному товарищу мы вернемся попозже...

Напротив больших ворот в цирк, где проходили представления крайне редко, стоял наш Рудольф (назовем его, пожалуй, так, потому что настоящего имени никто не знал либо просто-напросто не помнил). Трудно было бы определить ради чего он там стоял, потому что несмотря ни на время

года, погоду, день недели – выражение его лица было всегда одинаково-безразлично-серым. Вполне возможно он стоял там с какой-то определенной целью – но такой же шанс имел вариант, что Рудольф занимался обычным, привычным уже для себя, бессмысленным времяпрепровождением. Фонарь, нависающий над ним и освещающий его силуэт, помог нам разглядеть его лицо, которое было тем же самым, что неудивительно. Он стоял у колонны, положив руки в карман потрепанных временем джинс, и оглядывался по сторонам – и даже не из любопытства он это делал, а скорее просто так, с абсолютной пустой головой.

Спустя минут десять неизменного положения, начал идти дождь, но Рудольфа это никак не побеспокоило, так как он уже стоял под навесом; скорее наоборот – резкая смена погоды дала ему возможность оглядеть пейзаж заново и получить другие ощущения, чем он и с радостью воспользовался. Взглядом он старательно ухватился за отдельные падающие капельки и прослеживал за ними, вплоть до их уничтожения об землю. Так прошло еще несколько минут. Был ли он в ожидании чего-то?..

Оказалось, что был. Вдалеке он заметил одного мужчину (еще непонятно каких лет), идущего прямо в его сторону, прикрывшись капюшоном. Вместе с мужчиной, приближавшись все ближе к Рудольфу – также усиливался дождь; под конец уже начал идти непроглядный ливень, скрывший от Рудольфа очертания черного человека, но не надолго.

– Здравствуй... – пробурчал мужчина и достал из внутреннего кармана куртки полиэтиленовый пакет зип лок с табаком внутри.

Со стороны сцена выглядела абсолютно очевидна: молодой человек покупает наркотики вечером, в безлюдном месте. Но оказалось это был простой табак. Рудольф начал курить еще с ранних классов и, что самое удивительное, ему достаточно было одного затяга для зависимости; он не был одним из тех курильщиков, которым пока вообще не понравилось, но все же впоследствии они привыкли. Страшно было представить в каком состоянии находились его легкие, куря еще с раннего возраста и при том вполне себе много, однако не всегда. Была бы возможность он курил бы намного больше, но из-за финансового положения приходится всегда либо стрелять сигареты, гуляя по улицам – что он в основном и делал – либо просто воздерживаться, терпеть...

Табак этот он заказал через компьютер, сидя в интернет-кафе. Никакой электроники с доступом к интернету у него дома не было. Передача товара хоть и выглядела странновато, подозрительно, но опасности или риска, конечно же, в себе не таила. Рудольф быстро попрощался и направился к себе домой.

В квартире жили только он и старая мать, которая давно перестала уделять ему должного внимания, хотя иногда в ней неожиданно просыпались чувства заботы и переживания, но быстро угасали – потому что появлялись они в ней первона-

чально только из-за минутных угрызений совести. Конечно, дело здесь обстояло не без наличия психоактивных веществ в ее жизни – история стандартная, ничем не отличающаяся от остальных подобных случаев. Самое интересное, Рудольф никогда не питал интереса к наркотикам, хотя казалось бы. . . Район, где он проживает, далеко нельзя назвать благополучным, что ожидаемо – соответственно и окружение не отстает от среды. Знакомые, одноклассники, товарищи часто предлагали абсолютно разного рода вещества, но всегда получали холодный и безразличный отказ. Рудольф, скорее всего, никогда не задумывался об этом и нормально не понимал, что же за собой это все несет – а отказывался он только из-за внутреннего, непоколебимого ощущения того, что все это должно быть ему чуждо.

С мамой разговаривал он редко, но при этом был всегда открыт и ничего от нее не скрывал. Сама мать не очень-то и любила той глубокой материнской любовью своего сына, но все равно была сильно к нему привязана, так как только он и остался в ее жизни из близких людей, которым можно доверять несмотря ни на что.

Мама была уже пенсионеркой, соответственно единственным доходом в семье была ее пенсия, на которую они жили. Конечно этого было недостаточно, но до голода, к счастью, практически не доходило, хотя могло, потому что мать от своего пристрастия к наркотикам никак не старалась избавиться, но благодаря знакомым, которые доставали все бес-

платно – не приходилось тратить на эту зависимость деньги. Рудольф видел все пагубное положение мамы, но не уделял должного внимания этой проблеме, что было выгодно им обоим. Нужно тоже сказать, что и у Рудольфа отсутствовала та теплая, нежная любовь к своей матери – пожалуй, благодаря такому отношению друг к другу они были очень близки и семейные скрепы были крепки. Да, ни о какой любви речь идти не могла, но было взаимопонимание невероятного уровня. Довольны ли они были? Да.

Проходя мимо уже закрытых ларьков и местных магазинов, в какой-то момент он остановился посреди улицы, достал из кармана пакетик и рассмотрел его с разных ракурсов, также и под светом от ионовой вывески бара. Что он пытался выискать – непонятно, вполне возможно ничего, потому что на такую „мини-проверку“ у него ушло не более пяти секунд, после чего он сразу продолжил свой путь тем же равномерным шагом. Взгляд был опущен, сутулость, как всегда, присутствовала... Вокруг не было ни одной души, казалось весь город вымер на ближайшие часы, но Рудольфу было только лучше: страха он не ощущал, а большое количество людей наоборот ставило его в некий дискомфорт. Был только он да царившая темнота.

Дойдя до самого конца улицы и свернув влево, Рудольф повернулся и встал напротив входа в подъезд, куда можно было свободно войти, так как дверь отсутствовала, ну и была не к чему – что можно выкрасть из квартиры, расположенной

в таком районе?

Он решил пока покурить, прежде чем подняться к себе домой. Мать знала о сигаретах и Рудольф этого никогда не скрывал, но старался избегать тех ситуаций, когда придется курить перед ней. Достав недавно купленный табак и бумагу, он скрутил одну сигарету, резко провел головкой спички по боковой стороне коробка и подвел огонь к сигарете. Выпустив пару дымков и не докурив, он бросил ее на пол и поднялся по лестнице наверх, к своей квартире. Открыв незапертую на ключ дверь, он вошел в пустую комнату, с оголенными стенами и прилег на изодранный диван. Квартира состояла из этой самой комнаты, которая встречала гостя при входе, и из небольшой кухни, где на тот момент что-то готовила мама. Рудольф лежал и смотрел на потолок, не думая ни о чем. Когда мать вышла из кухни, она не ожидала его увидеть, но никак этого не показала, так как эмоции у нее были уже слишком затуплены.

– Где ты был? – спросила она безразлично, делая это только ради общепринятого приличия.

Рудольф просто пожал плечами и ничего не ответил – он и сам понимал, что ей на самом деле не очень-то интересно. Она присела рядом с ним, опрокинув устало голову назад и положив руку внешней стороной на лоб. Усталость проявлялась на ее лице, но не из-за тяжелого, как это могло показаться сначала дня – здесь это чувство достигло уже глобальных размеров; ощущала она себя усталой всегда, несмотря

ни на что... Ее ежедневно, с самого утра, изнуряет судьба, которая никак не хочет оставить ее в покое. Сквозь сомкнувшиеся губы она лепетала одни и те же слова: Господи, Господи, Господи... хотя назвать ее набожной нельзя – она никогда в жизни не молилась и соответственно не знает ни одной молитвы; в церковь ходит изредка – только когда начинают изъедать внутри нее разные чувства, которые проявляются в основном после неприятных, тяжелых ситуаций. В местной церквушке о ней знали все и часто поглядывали на нее недоброжелательным взглядом, что мать Рудольфа естественно замечала, но этот факт только ее раззадорил – она порой специально ходила, чтобы в очередной раз ощутить на себе эти укоряющие лица.

Один раз ей пришла идея в голову пойти исповедаться, чем она сразу зажглась, вышла в своем тряпье и направилась по привычной тропинке к церкви. Идя маленькими шажочками по протоптанной траве, она с улыбкой на лице представляла у себя в воображении как пройдет вся эта церемония и что стоит ожидать от этих неблагодарных хозяев:

« Ха-ха! Уже знаю как эти ненормальные на меня набросятся, когда я подойду к батюшке. Бить, конечно, вряд ли будут, но отдернут меня от него. А если нет, то можно будет еще дальше пойти, раскрыв ему все свои „сокровенные тайны“... Ха! »

Размышляла она весь путь, пока в конечном итоге не встала у главных ворот. В тот момент она поняла, что забыла

взять платочек. Подумав с минуту, она пришла к решению, что смешно будет оторвать от, и так уже истрепанного плаття, кусок ткани и наложить его на головку, как-то завязав его под подбородком. Вышло, конечно, ужасно – естественно о приличности здесь и говорить не о чем было: разорванные, длинные нитки свисали с платка и нежно порхали перед ее сморщенным, усталым, но при этом смешным лицом; ткань налегала на голову совершенно не так, как должна была – это было похоже больше на остроконечную, плоскую в виде ромба шляпу. Но добиться желаемого результата у нее получилось – все взоры были направлены к ее персоне; кто-то шептался, кто-то прямо укорял ее взглядом, не скрывая своего негодования.

– Здравствуй, Серафима. – поздоровалась с матерью Рудольфа одна старая женщина, которая фенотипически напоминала собой очень набожную, но при этом не фанатичную религиозную женщину.

Маму на самом деле не звали Серафима, но ей показалась смешно, если она представится людям этим именем (и так мы ее будем называть в нашем рассказе). Но знакома она пока была только с этой старой женщиной.

– Привет, привет! – иронично и энергично поприветствовалась с ней и даже, ради идиотской шутки, протянула руку, что совсем было не к месту.

Женщина пока удивилась такому жесту, но заметив, что Серафима не шутит, легко пожала руку, однако Серафиме

было это недостаточно и она сжала ее сильнее, раскачивая вверх и вниз. Женщину это смутило, но никак, кроме как взгляда, она этого не выказала.

– Ну, что, дорогая моя, началось небось это все?..

– Что? – спросила она в ответ, искренне не понимая о чем идет речь.

– Ха! Ну что ты не поняла, подружка – я про это... ну...

– Серафима здесь нарочно запнулась, желая, чтобы собеседница сама закончила ее мысль, но осознав, что это не произойдет, она сказала, – Ах, да! Причастие, когда начинается? Сегодня же?

– Вообще-то нет, завтра.

– Ах, черт возьми! – наигранно вскрикнула она. – А так хотелось сегодня исповедаться...

– Вы и сегодня можете это сделать, но...

– Вот и отлично! – не дала договорить Серафима своему товарищу.

– Но, – все же настояла женщина, легонько прихватив руку Серафимы и развернув ее. – вы держали пост?

– Какой это пост? Я не дежурный, ха-ха! – продолжала она играть ту же самую дурочку; но она и вправду не постилась.

– Ну, да ладно вам...

– Хорошо, хорошо. – перебила Серафима опять тоном капризного ребенка. – Пошутила и хватит. Конечно держала, а что вы думали? – соврала она и с фальшивым осуждением в глазах взглянула на женщину.

– Так нет, ничего, упаси Господи. Просто поинтересовалась, не более. – поддалась она этому наглому ходу со стороны Серафимы. – Вы не подумайте, что я как-то усомнилась в вас, ни в коем случае.

– Ну ладно, хорошо. – произнесла она в ответ с глупо-подозрительным взором, сощуриив глаза, и направилась в церковь.

Перед тем как поставить ногу на первую ступень, ведущую внутрь, она остановилась, медленно подняла свою голову и тупо посмотрела на крест, вмонтированный в стену над главным входом. Стоя вот так у паперти, ее знакомая предположила, что Серафима готовится перекреститься, однако правая рука у нее так и не поднималась. Женщине стало интересно и она обошла Серафиму, чтобы взглянуть на эту картину полностью, но сделать ей этого не дали – Серафима, как только почувствовала легкое прикосновение верхней одежды старушки, сразу вернулась будто б из небытия и пришла в себя. Продолжая подъем, старушка прямо перед входом остановила Серафиму и без слов показала жестом, что она забыла перекреститься. Серафима прекрасно все поняла, но опять выстроила из себя дурочку:

– Что-то не так?

– Перед тем как зайти в церковь, каждый человек должен перекреститься.

– Ах, точно, совсем уж забыла! – сказала она и перекрестилась настолько небрежно, насколько это было возмож-

но. – Что-то в последнее время не так со мной: то переkreститься забуду, то вообще одежду чужую надену... Не жизнь, а цирк шапито, ха-ха!

Старушка ничего не сказала и молча вошла вместе с ней внутрь, надеясь, что ничего страшного ее спутница не сотворит.

А вот Серафима была, как можно догадаться, другого мнения, хотя и ее тоже, что сейчас происходило не устраивало, так как это были пока детские игры – ей хотелось идти дальше, задействовать большую публику, а не только бедную пенсионерку. Пока у нее в голове ясного плана действий не было, но задатки на что-то грандиозное были.

Зачем вообще она этим занималась? Никто не знал. Ей было скучно, но рассеять это чувство можно было бы и по-другому, что Серафима прекрасно понимала. У нее было неосознанное желание разыграть перед этой невинной публикой странную, непонятную, бредовую сцену. Желание сопоставимо с желанием некоторых людей в аристократической среде выругаться нецензурной бранью либо рассказать о слишком пошлых вещах – кто-то это делает ради некоего удовлетворения, а кто-то руководствуясь некоторыми высшими или нет идеями.

Зайдя внутрь храма, слева стоял прилавок, где можно было купить свечки и разную церковную утварь, книжки и другое. У Серафимы не было ни копейки в кармане, поэтому она повернулась к старушке и без стыда попросила купить

для нее две свечи:

– Одну за упокоенных, другую святой Матрене. – сказала она удивительным образом сменив тон на жалостливо-слезный. – Эх... Всегда, когда захожу, вспоминаю бедного дедушку... Господи...

Выглядело это ужасно мерзко, но Серафиму, конечно же, это не останавливало, а наоборот подбадривало; однако, жаль рядом с ней не было никого, кто мог бы ей открыть глаза и сказать всю правду об ее ужасном актерском мастерстве. Старушка, несмотря на подозрительность всех этих действий, все же поверила Серафиме, поддавшись той искренней, чистой вере, царившей внутри нее уже многие годы.

Пенсионерка протянула ей вместо двух, четыре свечи. Серафима взяла их, не сказав даже спасибо, резко повернулась и вместо того, чтобы подойти к месту, куда ставят свечи в песочек за упокой души, она пошла прямо в центральную залу, где уже шла процессия. Старуха глубоко вздохнула и пошла вслед за ней.

Серафима проходила мимо разных канделябров, высоких подставок для свечей и рассматривала всю эту утварь с не наигранным любопытством – ее вправду все это заинтересовало. Каждую икону она тщательно обводила взглядом; когда появился священник в светящейся рясе с кадилом, она не отводила глаз от его плавных движений рукой. Старуха смотрела на нее и теперь точно была запутанна и обескура-

женна: «Ничего не понимаю...» – подумала она в ту секунду.

Все остальные присутствующие в зале пока не обращали сильно внимания на Серафиму, но кто-то уже начинал поглядывать на эту странную женщину.

Уже подойдя близко, насколько это было возможно, к иконостасу, Серафима опомнилась и огляделась вокруг себя, дабы оценить ситуацию... Батюшка, читающий молитву монотонным голосом, все же не выдержал и на секунду поднял свой взор на нее, но много времени на это не ушло и он сразу вернулся к книге. Также женщины, стоявшие у аналоя, во время коротких пауз все-таки поддавались любопытству и посматривали на Серафиму. Поначалу она не ощущала на себе взглядов, но затем, хорошенько осмотрев все пространство вокруг себя, ей все стало понятно – все шло так, как она надеялась.

« Хи-хи! Не знаю почему, но мне нравится. »

Старушке стало стыдно и она уже сожалела о том, что решила с ней связаться – ей пришло в голову просто взять и сразу уйти, но не решившись резко на такой ход, ее уже застала сама Серафима, которая положив грубо свою руку на ее плечо, таким полусшепотом, спросила:

– Слушай, а как зовут вот того старичка, который читает сейчас молитву, не знаешь?

– Отец Сергей. А зачем тебе? – поинтересовалась женщина. – Ему исповедоваться ты не сможешь сегодня.

– Да нет, я так, для себя хотела узнать. – после этих слов

она отошла в очередной раз от спутницы и направилась в сторону большого распятия.

Слишком долго она вглядывалась в лицо Мученика и продолжила бы это делать, если бы не одна маленькая девочка, лет пяти, подошедшая к ней и дернувшая ее за разорванный подол платья. Серафима опустила взгляд – перед ней предстало милейшее создание с маленьким платочком на голове, которое растрогало бы каждого, но не Серафиму. Детей она не любила и здесь, практически, отсутствовали какие-либо „но“. Конечно, она с ней ничего не сделала, но встретила девочку с холодным выражением лица.

– А-та-та! – подошла мать девочки. – Я же говорила, не уходи далеко от меня. Извините, ради бога.

На это Серафима просто отвернулась, ничего не сказав в ответ. Женщину это немного смутило, но она ничего не добавила после этого и просто отошла к прежнему месту.

Странная волна неожиданного гнева наплыла на нее: глаза зажглись, руки сжались крепко в кулаки... Если бы не старушка, взор которой смог утихомирить Серафиму, могло случиться что-то нехорошее.

Спустя время в центр зала вышли два батюшки и встали пропорционально друг другу, знаком показывая людям, что можно начинать. Серафима быстро выступила вперед, немного растолкнув нескольких человек, чем вызвало негодование, но ее это никак не волновало. Она думала о предстоящем разговоре, который сильно ее привлекал.

« Главное, слишком не наглеть и с первых самых слов не отпугнуть его. Здесь нужно быть максимально аккуратной. Ха-ха! Прямо наполеоновский план выходит. »

Батюшка с длинной, седой бородой наклонился ухом к ней и показал всем видом, что готов ее выслушать. Серафима исповедалась в первый раз и сначала она правда понятия не имела о чем стоит говорить и как начать. Но ей достаточно было нескольких секунд, чтобы прийти в общем с мыслями и осознать, что ее неподготовленность и незнание только сыграет ей на руку.

– Знайте, – громко начала она, но после успокаивающего жеста батюшка продолжила, понизив свой голос, однако и этого не было достаточно для полной убежденности в конфиденциальности всего процесса; батюшка решил более не прерывать ее и забыл про это, все внимание уделив Серафиме. – вот недавно, например, я украла из магазина три хлеба. Вы не переживайте, – сказала она как только увидела его реакцию. – сделала я это не из-за себя, так что все хорошо. Понимаете, я многодетная мать. В одной камере мы шестером живем уже несколько лет и естественно еды тоже не хватает, поэтому иногда приходится опускаться до этой мерзости. Не переживайте, меня точно в тюрьму не посадят, так как я давно дала на лапу местному менту. Вы скорее всего зададите справедливый вопрос: а откуда деньги-то на это взялись, раз тебе приходится аж хлеб воровать? А я вам честно отвечу: подкупать можно также без денег. Вы же понимаете

о чем я, да?

Серафима хитро посмотрела на лицо батюшки и подмигнула ему. Он стоял ошеломленный, смотрел на нее с ужасом и глубоко дышал, не говоря ни одного слова. Она, убедившись что все идет так, как она и рассчитывала, продолжала, но уже совсем-совсем шепотом:

– Что-то вы изменились в лице. Ну, да ладно. Я, с вашего позволения, продолжу. – тогда батюшка уже хотел было встрять в ее рассказ, но она своей настырностью и наглостью не позволила ему этого сделать. – Так, вы, пожалуйста, дайте мне нормально высказаться и излить душу перед вами – а точнее, конечно, перед богом – так что я продолжу свое покаяние.

Батюшка стоял как вкопанный и искренне не понимал, почему эта женщина так легко им управляет, а он ничегошеньки не мог сделать в ответ. Тем временем Серафима продолжала, не обращая на него внимания:

– ...и как мне стоило в таком случае поступить, а? – только сейчас батюшка прислушался к „исповеди“ этой странной женщины, про которую нельзя было с уверенностью сказать, что она намеренно занимается богохульством и кощунством, так как таких неоднозначных персонажей в церкви присутствует огромное количество; да и в не морали отказывать людям, даже отошедшим временно от верного пути. – Подруга-то моя – это правда, но не могу же я ради нее голая прийти к незнакомому человеку, так ведь? Вот если бы вас попросил

товарищ о таком одолжении, вы бы согласились? – она не дождалась и продолжила. – Можете даже не отвечать, вижу вы адекватный человек и нашли бы другой выход. Но... Я не смогла и согласилась. Ха-ха! Но самое смешное знаете что было? – спросила она уже правда в ожидании какого-либо ответа, но ничего не услышав сказала. – Когда я пошла ночью к нужной квартире и постучалась по двери... Мне знаете кто открыл? – продолжила она с улыбкой издеваться над ним. – А ну-ка, попробуйте угадать? Ну, давайте, поддержите как-то разговор. – очень неудобная тишина встала между ними. – Знайте... – начал батюшка.

– Ну, ладно, скажу сама. – сразу перебила она его, будто бы не расслышав слов. – Передо мной предстал старый священник с огромным крестом, понимаете?! Вот вы с этим не сталкивались, но все же, как бы поступили в тот момент? Потому что, например, я почувствовала себя неловко: все же человек глубоко религиозный и теперь я должна заняться с ним этим ужасом, впасть в эту похоть, с человеком, который возможно в будущем будет проповедовать о чистой душе моим детям и внукам?! Ох, сложно-то как было мне тогда... – она настолько театрально, тяжело вздохнула, что даже самый заядлый критик крикнул бы: верю! – Деваться, к сожалению, было некуда, так что мне пришлось согласиться на этот грех, хотя... – тут она сделала долгую паузу и неожиданно выкрикнула. – Видит Бог! – я этого не хотела.

Тут уже она привлекла внимание всех находящихся веру-

ющих: каждый отвлекся от молитвы, даже сами чтецы, и направил свой взор на нее. Но Серафиму уже было не остановить: она продолжала говорить на высоком тоне и ни капли не смущалась. Батюшка, слушавший ее терпимо все это время, теперь окончательно вернулся и в ясности увидел, насколько эта сцена, развивающаяся перед ним, глупа и кощунственна, поэтому, не медля ни секунды, он сделал тщетную попытку прервать весь этот цирк:

– Извините, женщина, но вы...

– Так что ж вы молчите, люди добрые?! – кричала Серафима во всю мощь, покрывая этой волной голос бедного батюшки. – Куда катится наше верующее общество, вы понимаете?! – она начала переходить в наигранную, но очень правдоподобную истерику. – Господи! – подняла она руки ввысь. – Покажи нам, грешникам, праведную дорогу! Мы точно свернули с правильного пути, так сделай что-то с этим! Все мы преклоняемся перед тобой!..

Серафима упала на колени, продолжая смотреть на испитый потолок внутри храма. Все смотрели на это страшное, но одновременно и любопытное зрелище – именно по этой причине ее и не выгнали из храма в самом начале этого спектакля. Каждый здесь видел свое: кто-то смотрел исключительно из любопытства, кто-то ей верил, кто-то жалел, но – как говорится – в чужом горе есть всегда что-то приятное... Конечно были и те, которые в этом видели некое послание свыше – одним из таких был сам отец Сергей из-

за чего он продолжал наблюдать и только крестился часто, насколько позволяло его здоровье. Но, неужто не нашелся среди всей этой публики хоть один человек, который желал бы всей душой остановить весь этот непрекращающийся акт богохульства? Конечно, нашелся. Этим человеком оказалась та самая старушка, единственная знакомая Серафимы в этом обществе, которая не выдержала, хотя терпела долгое время и заставляла себя быть милосердной по отношению к таким людям, но ее усидчивость подвела: пенсионерка подошла к Серафиме резвым шагом, встало сзади нее и со всей дури ладонью ударила по голове, после чего платочек слетел, а сама Серафима, упав спиной на пол, огненными, сверкающими глазами впиалась в старуху, приправив бесовской улыбкой – это старушка явно не восприняла адекватно и страх охватил все ее старое, дряхлое, немощное тело. Она развернулась и выбежала вон из храма, вся в слезах. Серафиме взбрело в голову встать и преследовать эту пожилую женщину дальше, но ее окружила толпа смотрящих и не дала никак пропихнуться мимо них: ну а где это видано выпускать зверя из клетки просто по его воле изъявлению?

Это был последний день, когда ее спокойно принимали в эту церковь, но она, иногда проходя мимо, поддавалась все же искушению и заходила внутрь, чтобы хотя бы погулять по внутреннему дворику, в случае если ей не позволяли зайти в сам храм.

Скука делает с человеком страшные вещи, что можно до-

казать примером Серафимы – не только рассматривая случай в церкви, но у ея также было совершено множество других глупых поступков. Но не всех людей стоит причислить к такому типу, например, далеко ходить не надо, сам родной сын Серафимы – Рудольф. В такие ситуации он попадал крайне редко, а если это и происходило, то только из-за нужды и потребности в повседневных, обычных, бытовых вещах – устроить намеренно какую-то историю ради потехи было не про него, чем кардинально он отличался от своей матери. Вообще все знакомые, – коих было немного – когда встречали маму и сына вместе всегда замечали, что он совсем на нее не похож. Сравнить же с отцом было невозможно – как это бывает обычно в неблагополучных семьях...

Рудольф выделялся своей эгоцентричностью; например: если он от кого-то услышит новость о смерти известного человека (даже им почитаемого) либо же об ужасной катастрофе, в которой погибло множество человек – ему будет это совершенно безразлично, только, пожалуй, специально подделает свою реакцию ближе к жалости, но не слишком сильно. Его, казалось, ничего не может задеть и протрация в нем достигло того недостижимого для среднестатистического человека уровня.

Сейчас пришло самое время ввести в повествование того самого товарища, который фактически был единственным другом Рудольфа. Познакомились они еще будучи учениками третьего класса: его друга выгнали из другой школы по

справедливой причине – ему пришлось в голову зачинить массовую драку среди младших классов, при том он не скрывал, что является главным организатором. Конечно, школа в которой он учился не слыла как важное, достойное заведение для всех детей – учились здесь в основном бедняки и, следовательно, уровень образования далеко не был на высоте. Однако, мальчик был вполне себе смышленный – к сожалению, ему просто не повезло с судьбой.

Назовем этого товарища – Адольф (пусть имена фонетически будут немного схожи, потому что сами они мыслили примерно в одинаковом направлении и имели схожие потребности). Сейчас, оба учились в десятом классе. С другими одноклассниками они не поддерживали близких отношений, но при этом, во время нахождения в школе, были отдаленны и друг от друга, по непонятным причинам, поэтому над ними не смеяоись как: два сапога – пара. Проводили они время вместе только после занятий: естественно никто, никогда не делал домашние задания в школе, включая и Рудольфа. Единственный раз ему пришлось сесть за книжку истории и то, он просто ознакомился с параграфом, так как его заставили это сделать из-за грядущей проверки, а в случае непослушания пригрозили выговором и после этого обязательным выгоном. Хоть и Рудольфу было по-барабану, но расстраивать маму не хотелось, скорее даже потенциальной беседы на эту тему.

Адольф же, после того случая в третьем классе, больше

не бунтарил, но главной причиной стал не его уход из школы, а просто нехотение заниматься более такими скучными вещами.

Рудольф и Адольф были как настоящие братья, которые проводят время вместе слишком часто из-за чего их времяпрепровождение состоит не из бесконечной беседы друг с другом, а в основном из молчания, которое намного яснее показывает все состояние души чем любые другие слова. Им нравилось ходить по улицам и изучать новые места, где они ни разу не были до этого. В принципе очень занятная вещь, но это явно не для всех – им же было абсолютно комфортно.

Адольф редко приходил в гости к нашему герою по понятным причинам – просто нечего было делать, кроме как сидеть на одном месте и смотреть на одни и те же грязные стены. Один раз он посетил квартиру и их у дверей встретила мать, которая до этого разговаривала сама с собой, улыбаясь во весь рот – скорее всего новая глупая идея взбрела в ее странную голову. Из-за такой неожиданности появления людей, она немного растерялась, быстро поздоровалась и сразу пошла своей дорогой, ускорив шаги. «А что-то случилось?» – спросил Адольф после этой сцены; Рудольф в ответ ограничился пожиманием плечей.

Странны и удивительны такие случаи, когда люди никак не связанные родственной кровью, настолько привыкают, что чувствуют себя настоящими братьями, чего никогда у них не было, но в чем они точно нуждались. И здесь я говорю про

абсолютную братскую близость – не просто лучший друг, который знает твои секреты и общаетесь вы свободно – а что-то более глубокое...

Они говорили мало, но при этом знали друг о друге все. Прогуливаясь по улицам, часто взор их перенаправлялся с одного объекта на другой одновременно, к чему они давно привыкли и не было нужды что-то вставить, априори ненужное. Будь у них миллионы – от этого занятия они бы все равно не отказались, единственное может дополнили его, приобретая средствами разные вкусности, напитки и т.д. Разговоры были всегда коротки и не включали в себя ненужной информации – в основном все говорилось только по делу, но бывали – правда редко – длинные беседы, которые затягивались на минимум два часа. Включали они в себя, в большинстве случаев, гуляния в фантазиях и представление о чем-либо утопичном, либо же еще рассуждения о высших, отдаленных идеях.

Один из таких диалогов состоялся осенью. Погода была ужасная для кого-то, но не для наших путешественников: лил сильнейший ливень, гроза за грозой протыкали черный, громкий небосвод... Людей не было совсем, только раз в несколько минут проезжали машины по дороге, расплескивая колесами большие лужи собравшиеся на асфальте из-за отсутствия ливневок. Рудольфу и Адольфу было замечательно – они смогли найти навес, сквозь который все равно просачивалось какое-то количество капель дождя, но это им

только нравилось. Атмосферу они ощущали должным образом, что не всем дано. Первый час никто не хотел нарушать этой тишины и они просто сидели на деревянной лавочке, из которой по бокам торчали ржавые прибитые гвозди. Обувь вся промокла, поэтому цвет их поменялся под водой моментально в черный, но верх у них был более или менее сухой.

Первый час пролетел мгновенно. Часов наручных ни у кого не было, а телефоны разрядились, но эти обстоятельства только добавили утонченности и деликатности этому мимолетному моменту. Первый все же произнес слово Адольф, которому захотелось просто сказать тихо и с душой:

– Как же здесь хорошо...

Рудольф не повернул головы и ничего не сказал в ответ: он сидел на этой доске, придерживаясь руками на нее. Капли падали у их ног и впитывались в уже сырую землю.

Рудольф, глядя на одно облако и глубоко вздохнув, начал говорить плавно на выдохе:

– Не знаю, рассказывал ли я тебе это или нет, но в детстве, когда мне было семь лет, со мной случилась одна история, которую я запомнил на всю жизнь. – Рудольф медленно отвел голову назад на несколько секунд, протер глаза, вернул в прежнее положение и продолжил. – Короче, я сидел на полу у себя дома и смотрел на палки, разложенные ровно передо мной. – общий тон его повествования оставался прежним до самого конца, только иногда он останавливался из-за кашля. – Тогда я думал, какую мне выбрать, используя в виде

оружия. Было их три: одна большая, другая среднего размера и с какой-то резкой загогулиной в конце, ну и последняя самая маленькая, визуализированная мною как пистолет. Вынести с собой во двор все было бы неудобно и опасно, потому что шанс потери одной из них сразу увеличивался. Поэтому я остановился на „пистолете“. На улице были темные тучи и солнечный свет никак не проходил сквозь них. Такая погода мне еще больше нравится, чем обычная солнечная, но это ты, в принципе, знаешь... – тут ударила громко молния, из-за чего оба друга повернули головы, но затем Рудольф вернулся к мысли. – Так вот, я уже стоял во дворе с этой палкой в руках. Никого из детей кроме меня не было, но вдалеке стояла лавочка, на которой спал человек. Конечно же меня это никак не удивило и я подумал, что это типичный бомж либо же наркоман, что как и ты знаешь не редкость. Заметив, что у меня развязался шнурок, я опустил на корты, чтобы исправить эту ситуацию. Когда я поднялся и оглянулся, то заметил, что на той скамейки уже никого не было. Конечно, меня это встревожило, но пока не испугало, так как интерес более преобладал над страхом. Я пытался найти неизвестного глазами, но ничего не вышло. Тучи сгущались сильнее и намечался сильный дождь, но, как ты понимаешь, я был этому только рад. Спустя минуту, я заметил как у стены дома лежит тот самый пропавший на некоторое время мужчина. Я понял, что скорее всего он не спит, а пьян и, в надежде как можно быстрее уснуть, ходит бессознательно по разным

местам: то падая в лужу, грязь, то спотыкаясь о выпирающие выступы. Мне было любопытно и я не сводил с него взгляда, даже подошел поближе, чтобы получше разглядеть его внешность – все было ожидаемо: старая, грязная куртка с дырками, из которых торчало белое наполнение, сальные, серые волосы, смуглая кожа, черные ногти... Типичный портрет обычного бездомного в любой точке мира. Подойти еще ближе я уже боялся, хотя очень хотелось. Иногда он громко кашлял и переворачивался на другой бок – в один из таких моментов, когда его лицо упиралось в стену и он не мог меня видеть, я подошел к нему вплотную, чуть протянул голову вперед, чтобы посмотреть на его лицо и с ужасом заметил, что глаза были открыты и сияли всей свежестью жизни! Я откинулся назад и быстро засеменял ногами, чтобы как можно скорее уйти, но меня остановил его хриплый, грубый голос: «Подожди!». Я послушался и остановился – в такой ситуации стоило бы убежать ради безопасности, но из-за страха погони я решил этого не делать. Когда я повернул свою голову, мужчина подзывал меня рукой, оперевшись другой на асфальт и согнув немного ноги в коленях: поза настоящей русалки. Я медленно развернулся и, не торопясь, направился к нему. С каждым шагом биение моего сердца увеличивалось. Я понимал, что совершаю, быть может, ужасную ошибку, но других выходов, на тот момент, я не видел перед собой. Теплилась наивная надежда в моем сердце, что когда я подойду, он просто попросит у меня сигаретки и я ему откажу, одна-

ко сценарий пошел по другому пути, чему я не был удивлен. Встав перед ним как столб, он поднял свой расплывчатый взгляд на меня и протянул руку для поддержки в поднятии. Я ему помог насколько позволили мне мои детские силы: при поднятии рука у меня дрожала, а мужчина наклонялся то в одну, то в другую сторону, скривив напряженную гримасу. «Пойдем.» – сказал он мне и я последовал за ним, хотя, конечно, подозрение в нечто неладном снедало меня...

В очередной раз его прервала сильная молния, грохотом опустившаяся синеватой стрелой на землю. Погода удивительно долго не утихала. Она проверяла на прочность и усидчивость двух друзей, которые не думали о возвращении домой и спокойно наслаждались моментом душевной атмосферы. Адольф, после удара молнии, захотел встать и так продолжить свое простое, приятное прослушивание истории. Тем временем Рудольф продолжал:

– Да... И я решил пройти вместе с ним неизведанным до этого мною направлением. Мы шли по какой-то тропинке, отдаваясь от моего дома. Я ничего не спрашивал у бомжа (скорее всего он и был бомжом) и шел с любопытством, представляя себе неожиданный сюрприз. Страх уже практически не присутствовало – можно сказать я доверился в каком-то смысле этому человеку, хотя оснований на это никаких не было. Пройдя мимо местной школы, где как раз таки ты и учился до перехода в мою, начался ожидаемый дождь. Мужчину это не смутило, он даже не ускорил ша-

га, а поддерживал ту же самую скорость. Не понимаю, почему я тогда совершенно не переживал обо всей ситуации, которая ну очень странная; конечно, такое любопытство мог бы проявить подросток или молодой человек ищущий интересных, захватывающих приключений, но я-то был слишком мал, чтобы охватиться такими желаниями; он смог на меня повлиять, заманить таким образом, что и отказать ему вообще не хотелось – и на это он потратил только одно слово. Мы обошли мусорки и спустя минуту я оказался в совершенно новой среде: я был окружен такими же людьми, похожими на того мужчину, то есть бездомными. Никто не обращали на меня внимания, все были заняты своими делами: одни сидели у костра (хоть не было очень холодно, но из-за дождя ощущалась неприятная промозглость и сырость) от которого шла невероятная вонь, другие просто общались друг с другом, кто-то даже дрался в углу этого пространства. Я стоял ошеломленный увиденным и искал своего знакомого, который отошел от меня к какой-то тетке, которая одета была в то же тряпье, как и все остальные. Я подошел к ним и встал рядом; она, когда обратила внимание, кивнула головой на меня и мужчина знакомый бомж сказал: «Он со мной, не волнуйся». Она взбунтовалась на него как жена и упрекла в глупости, опрометчивости. Я не понимал к чему это происходило и какую конкретно я играл роль в этой сцене, но сильно не тревожился этими мыслями. В конце она что-то прошептала ему на ухо, пока я смотрел на одну костлявую

собаку и краем глаза увидел это движение; мы вышли оттуда. Опять мы шли непонятным путями и тут мне уже захотелось поинтересоваться, чем же мы занимаемся и куда идем. После заданного вопроса прошло полминуты, когда мужчина ответил, не обернувшись в мою сторону: «До этого ты ничего не говорил, так что ж на тебя сейчас нашло?». Для меня это прозвучало убедительно и я спокойно принял этот аргумент, но идя уже более десяти минут, мое детское терпение лопнуло и я настоятельно желал в конце-то концов узнать всю правду. Тогда он развернулся, положил тяжелую, грязную руку на плечо и поведал весь план. Состоял он вот в чем: я должен был сидеть вместе с ним у обочины и делать вид тяжело больного мальчика. Никакого предложения он мне не делал, мое согласие для него было уже данностью, что меня, несмотря на то, что я был мал, все равно смутило. Я попытался показать как-то свою позицию, но он продолжал идти и делал вид, что не слышит меня. Тогда, дабы проучить его, я ногой со всей силы ударил ему в щиколотку. Он прикрикнул и со злостью в глазах схватил меня за волосы. Конечно, параллельно он проговорил грязные слова, обзывал меня как только позволял словарный запас. «Сейчас ты пойдёшь со мной и будешь меня слушаться, понятно?..» – приказал он и я, нахмутив брови, кивнул ему в знак согласия. Слез, кстати говоря, совсем не было; наверное, по причине того, что я до сих пор не ощущал сильного страха за свою жизнь. Ребенок вообще в этом плане уникален – это, порой, самое

бесстрашное создание из всех. По пути он рассказывал мне о том, через сколько испытаний ему пришлось пройти в жизни и с какой жестокостью все к нему относились. Внутри себя я, конечно, был только рад слышать, что этот свирепый, злой зверь достаточно настрадался в свое время, ну и продолжал это делать. «Чтоб ты понимал, debil, мне совершенно без разницы, что ты обо мне думаешь! Хочешь – ненавижь меня, хочешь – желай смерти... Мне главное нормально на тебе заработать, раз выпал такой шанс. От тебя ничего не требуется, кроме как послушания. Может быть и тебе что-то перепадет, так что и об этом задумайся, когда будешь сомневаться в чем-то!». Схема была очень дешевая, но думаю он не был настолько глуп; скорее он считал, что этого вполне достаточно для внушения в семилетнего ребенка уверенности. Оставшуюся дорогу я уже молчал и ожидал дальнейших действий от бездомного. Я считал, что если захочу, то смогу в любой момент убежать от, назову похитителя, хотя я сам не был прочь побыть жертвой некоторое время ради любопытства. Мы уже стояли на углу улицы у стены здания, где уже лежало несколько картонок. Он первый сел и пригласил меня жестом присоединиться к нему – и я последовал его примеру. Улица была не слишком нагружена и многолюдна, но зато отсюда его никакие правоохранительные органы не выгоняли. Он огляделся вокруг, потом остановил взгляд на мне и сказал: «Снимай майку». Я снял и отдал ему, а он раскрыл ее и постелил на земле, чтобы люди бросали монетки

туда. Да, понимаю, – улыбнулся Рудольф и прищурил левый глаз. – удивительно как я до этого дошел, но, по необъяснимым причинам, все происходило именно так и закончилось даже весьма неплохо для меня. Просидели мы так с полутора часов и, чем я был ошеломлен, мы собрали весьма солидную сумму, тем более таким занятием. По его сияющему счастьем лицу я понял, насколько редко получалось скопить столько денег как сегодня. Я загорелся желанием испортить только появившееся у него настроения – тогда во мне проснулось детско-проказническая нужда в совершение чего-то плохого для другого человека. Я, мысля как мелкий, безжалостный черт, взял эту майку с монетками, скрутил в кулек и... можно было просто убежать, но я добавил к этому толчок в спину бомжа, который ударился головой об плитку, даже не успев нормально сгруппироваться и избежать ушиба. Я радостный бежал куда глаза глядят и слышал позади себя отчаянную брань этого бомжа, который обрел счастье так резко и еще быстрее его потерял... – Рудольфа голос застыл на этой ноте и спустя время предложил, – Пойдем, наверное, домой, да?

Адольф кивнул и они, под уже морозящим дождем, пошли по домам. Рудольф в тот день еще долгое время вспоминал того мужчину и воспроизводил в голове прошлые, впавшие в его память, сцены.

Такие люди как Рудольф особо не ценятся обществом, что объяснимо, логично и оправданно. Он представлял тот тип

человека, кого вроде знают много людей, но настоящих друзей у них в основном нет либо он один и не более. Рудольф слонялся по улицам и некоторые люди даже удивлялись тому количеству мест, где они случайно встретились с ним. Он мог у одного и того же человека просить сигарету множество раз, так как не запоминал никого на лицо либо же лелеял наивную надежду, что может этот некурящий наконец-таки закурить. Так беспричинно шастать по улицам он мог всю жизнь, как мы уже могли догадаться. Умирают такие личности либо в молодом возрасте, либо, если повезет, в глубокой старости, что происходит явно реже. Когда закончил, если вообще закончил, эту жизнь Рудольф никто не знал: мать эту смерть не застала, что было ожидаемо с ее стилем жизни, а вот что не было, так это гибель ближайшего соратника Рудольфа, которая по классике жанра произошла трагично.

Произошло это событие жарким, утомляющим летом. Рудольф сидел дома и боролся с жарой всеми возможными способами. Он решил затемнить полностью комнату, раздеться до трусов и так лечь на холодный пол. Когда, лежа на спине, он уже ощущал тепло на этой части тела – Рудольф сразу переверачивался и ложился на живот, отводя голову в сторону и закрыв устало глаза. Обнаружить в таком виде его уже никто не мог – мама уже как два месяца была мертва. Причина смерти в принципе банальна и стандартна в таких случаях – обычный передоз. На похоронах присутствовало несколько человек и Рудольф сразу ушел, когда дело дошло до засто-

ля. Ему не хотелось быть соучастником или наблюдателем этого цирка. Ни одна слеза не скатилась по его щеке во время самого погребения, на которое у мамы были сохранены средства, что удивило Рудольфа – это не было на нее похоже. Когда он ушел, ему хотелось просто побыть наедине с самим собой, гуляя по заброшенным местам. Адольфа в тот день он не позвал и не видел смысла. Лег спать он рано и, что странно, быстро заснул.

В общем-то Рудольф лежал на полу, спасаясь от духоты и солнца. Полчаса было достаточно, чтоб как-то охладиться. Он устало поднялся на ноги, протянул руку к уже высохшей от пота майке и надел, сквозь силу, на себя – на улице у школы ждал его Адольф, с которым он собирался заняться привычным для них делом. У Рудольфа было желание, но погода его сразу отбивала. Однако он все же вышел и направился к школе, ища по пути тени, в которые можно было спрятаться от солнца. Как же было ему отрадно ощутить внезапно появившийся из неоткуда легкий, прохладный ветерок, который незаметно обволакивал его стонущее от духоты тело. Конечно настоящим спасением для него являлись закрытые переулки, где прохлада ощущалась сильнее всего.

Ему потребовалось полчаса, чтобы дойти до нужной школы. У главного входа, как они и договаривались, Адольфа не было. Он практически никогда не опаздывал, так что Рудольф сбросил все на его невнимательность и вполне возможно он стоял бы у заднего входа школы. Рудольф обошел

территорию и нигде не встретил своего товарища. Он начал сомневаться в себе и перепроверил время, а заодно вспомнил их разговор, откуда он отчетливо помнил фразу из уст Адольфа: «Завтра у школы, в три часа» – но никого не было. Поначалу его это смутило, но заметим, простояв там целый час, он ушел обратно домой с мыслью, что скорее всего его друг банально проспал и скоро он ему об этом сообщит и извиниться.

Вернувшись домой Рудольф проделал ту же процедуру со снятием майки и лежанием на полу. Примерно так прошел весь день, прерывающийся только принятием пищи.

Настало утро следующего дня. Ничего не поменялось, но слава богу не стало еще хуже, хотя куда уже... Рудольф почистил зубы, умыл лицо и взял телефон, чтобы посмотреть не было ли пропущенных звонков от Адольфа либо же сообщений. Строка уведомление была пуста.

« Странно, первый раз с ним такое. Никогда б не ожидал от него, хотя, скорее всего, на это есть свои причины. Умер, походу... – подумал он иронично. »

Ближе к вечеру Рудольф дал звонок, но аппарат был вне зоны действия сети и так каждый раз все последующие дни. Он знал где живет Адольф, но никогда толком не был у него в гостях, поэтому все не решался на этот шаг. У Адольфа была только старенькая бабушка.

Спустя неделю, Рудольф решительно встал утром и пошел домой к Адольфу. Стоя у двери, он постучался несколько раз

пока слабо, затем сильнее и с каждым разом усиливал стук. После того как никто не отворил дверь, он развернулся и хотел было идти, но одеждой зацепил дверную ручку и оказалось, что дверь была открыта. Рудольф прошел по серому коридору, посмотрел налево и увидел комнату, напоминающую собой залу и он не прогадал. Когда он зашел внутрь, то увидел ужасающую картину: бабушка и Адольф лежали на раскладном диване под одеялом с окровавленными лицами. Плоть за это время успела сгнить и мухи летали вокруг их трупов.

За все эти дни ни один человек не навестил их семью, кроме Рудольфа. Пожалуй, такой исход был предначертан этому семейству и по какой причине? Им просто не повезло с судьбой...

Беседа двух девушек

– Нет, ну это ужас какой-то! – сказала молодая девушка, снимая с себя мокрый от снега шарф и куртку. – Давненько не видела я такой снегопадище. Ох... Пойду руки помою.

Хозяйка, принимающая гостью, прошла по обыденному для нее сценарию на кухню, чтобы заварить горячего кофе. Медленными, плавными движениями, без суеты, она равнодушно бралась за каждую вещь. Положив на стол две наполненные чашки, она села, придерживая ладонью голову, и ожидала в самой на что ни на есть девической позе свою собеседницу.

– Ух, холодище-то какое на улице, ты с ума сойдешь! Вы-

ходила сегодня? – на этот вопрос хозяйка отрицательно покачала головой. – И правильно делаешь! Не то что человека, собаку на улицу не выпустишь! – она взяла чашку кофе, сделала несколько небольших глотков, что позволило немного ей подуспокоется. – Да... А где мужичок твой? – та в ответ пожала плечами. – Ну, это даже к лучшему. Наедине, по душам поговорим. Знаешь, недавно я была у тетки своей, которая уже как три недели разведена, при том в третий раз за свою жизнь, но не суть... В общем, она опять поехала кукухой и теперь решила, что самый первый ее муж был единственным человеком, который по-настоящему ее любил и в их разводе виновата только она. В принципе, она права, по большей части это ее вина, но это так, к слову... И, короче, она захотела отыскать его и во всем признаться. Она пошла на квартиру, где он жил и постучалась в дверь. И знаешь что? Ей открыл дверь его сын, который рассказал, что два года назад его отец умер. Ха! Представляешь? И вот вчера вечером она прибежала ко мне вся в слезах. При том, это ж надо быть такой глупой? Вспомнила былое, понастольгировала и бац! – влюблена по уши. Сколько я ей это не объясняла, сколько не успокаивала – ничего не помогало. Только на следующее утро, она успокоилась. Ну, серьезно, какой же душой надо быть, чтоб так горевать из-за мимолетного момента? Ладно, если это подросток, но ей-то сколько лет уже; какой-никакой опыт имеется, хоть и не совсем удачный. Ох... Не знаю, не знаю... – она отхлебнула еще кофе и, облизав губы, продол-

жала. – Что мне с ней делать?.. Буду надеяться на время – лучшее лекарство все-таки. А вот твой брат меня очень обидел, скажу честно. Вроде он младше тебя только на два года, а ведет себя как настоящий ребенок. Ты научила бы его уму-разуму, а то так ему будет тяжело с людьми-то. Всегда ходит то пьяный, то обдолбанный... Мне совсем неприятно с ним не то что общаться, а просто даже видеться. Понимаю, это твой брат, но все же, только ты не обижайся. Надо выговориться. Тяжело тебе будет с ним, тяжело... – пока гостья опять взялась за чашку, ее собеседница сидела с тем же бесцветным выражением лица и только глазами вяло следила за подругой. – Ух, хороший кофе! У тебя всегда он отлично получается. Но вот твой брат, конечно... Кстати, не хочу лезть в чужие дела, но все же сделаю это ради тебя: тебе не кажется, что твой сын часто беседует со своим дядей нариком? Я ни в коем случае ни на что не намекаю, но на твоём бы месте проследила за ними. Запретить общаться, наверное, не стоит, но что-то надо предпринять. Эх, подруга, в плохом ты положении, не повезло тебя. У меня так же с подружкой было, бедняга... Только в отличие от тебя у нее были проблемы с мужем – все деньги проигрывал в покер, а если что-то и выигрывал, то сразу шел тратить в бар. А ей приходилось батрачить, в то время как он играл и играл. Я ему говорила: уйди ты от этого сумасшедшего и все с этим. А она никак, всегда о чем-то думала... Одним словом: дурочка. Вот поэтому я за тебя переживаю, потому что знаю как здесь нужно

правильно повести себя. Ох... жаль, жаль... Кстати, завтра ко мне мама моя приезжает. Сейчас думаю, что бы ей приготовить интересного, а то уж больно она капризная. Сейчас опять начнет про мужа и детей говорить: когда, когда, когда... Бесконечные вопросы, а отвечать на них все равно нет желания. Ой, да я и забыла! Надо будет по пути домой лампы купить для люстры; уже не помню, когда последний раз их меняла: три выгорели давно, а одна все работает. К приезду мамы надо будет поменять. Про твою сейчас вспомнила... Хорошая женщина была... Знаешь, приходят часто такие странные мысли: а что я буду делать, если мама вот сейчас неожиданно умрет? Не думай, что я сумасшедшая, но такие мысли правда приходят иногда. Стоит в таком случае сходить к психологу? Не думаю... во всяком случае пока не нужно, а потом посмотрим... Да какая смерть, она завтра ко мне приезжает, а я совсем неготова к ее приезду. Нужно о деле лучше подумать, а не в воображении летать. Не знаю как у тебя, но у меня есть такая проблема и, честно говоря, не особо мне хочется бороться с этим. Но это бессмысленно и вредно, согласна. Представляешь, я могу вот так провести в воспоминаниях хоть целый день и не буду об этом заморачиваться. – в этот момент она сделала последний глоток из чашки и выпила это кофе. – Хорошее, хорошее кофе... Я хоть и варю дома каждое утро, но так как у тебя у меня никогда не выходит. Вот, кстати, мама моя тоже отлично варит, можешь завтра прийти, сама попробуешь. А какие она

печет печенья, ты бы только видела... – пальчики оближешь, уверяю. В детстве она чуть ли не каждый день мне готовила эти печенья, от чего я, конечно же, не была против; ну и как видишь живот этому доказательство. И бабушка моя такая же. Интересно, что не так со мной в этой цепочке и почему я вообще не умею готовить? Ха-ха! Заговорила я, походу... Как у тебя-то дела? Может что-то новое произошло за последнее время? Надеюсь, ни в какую очередную историю твой брат не вляпался...

Хозяйка вздохнула и на выдохе ответила усталым голосом:

– Вроде все нормально и также по-старому...

Стеклянные слезы

Лили шла беспричинно по улице и рассматривала витрины разных магазинов, будь это новая техника, одежда на манекенах либо же еда. Ее не высокие каблуки цокали по аккуратно вымощенной плитке и подол платья кружился из одной стороны в другую. Счастьем ее лицо не блистало, из-за чего весь потенциал ее природной красоты был скрыт под этим настроением. Никакого макияжа на ней не было. Синеватые мешки под глазами не придавали ей той привлекательности и шарма, чем некоторые мужчины легко очаровываются – она была одной из тех женщин, которые красивы в самой классической форме красоты: с пробора на правой стороне головы белокурые локоны волнисто перетакали к уху, за которым уже исчезали; тонкие губы, глубокие глаза под

дугообразными бровями, аккуратный носик и нежная кожа, покрывающая всю эту физиологическую прелесть... Мешки под глазами ей совсем не шли и проницательный молодой человек мог бы догадаться, что в жизни девушки, вполне возможно, произошел не самый приятный случай из-за чего ей приходится терпеть всю эту горечь на себе. Причина была стандартна и банальна – расставание с близким человеком. Может быть об этом уже писать тривиально и пошло, но почему бы в очередной раз не окунуться в этот жестокий, тяжелый период жизни, через который проходили многие люди.

Лили прогуливалась вдоль улицы, медленно осматривая все вокруг себя. Никто на нее не обращал внимания и, по ее мнению, ей было только лучше от этого, но на самом же деле глубоко внутри она не прочь была почувствовать к себе сострадание от другого лица. Подруги ее хотели навестить, но она им отказала – жаль они не понимали, что в данной ситуации следовало бы пойти против воли Лили и, конечно, винить в этом их нельзя. Есть люди, которые сами зачастую не понимают чего хотят и таким стоит хорошо навязывать свои предложения, но переходить через грани приличия в дерзость ни в коем случае не стоит. Поэтому день Лили проходил дома и иногда на улице, но всегда в одиночестве.

Квартиру ей снимали родители, которые на тот период были в отпуске за границей. Лили им ничего не сообщила, а сами мама и папа из-за своей невнимательности не заметили никаких кардинальных изменений в своей дочке; созвани-

вались они редко, раз в два, а порой и три дня. Материальное положение Лили было вполне себе комфортабельным и она редко в чем-то себе отказывала; после расставания ее потребности так вообще снизились до минимума: деньги тратились только на еду и на мини-пожертвования бездомным людям, которые ей встречались по пути. До этого периода она никогда не кидала бомжам мелочь... поэтому все эти даримые ею блага делались исключительно ради своеобразной потехи для своей души; когда она кидала им деньги, ее мысли не занимались той жалостью, проявляемой к их, где-то несправедливому, положению.

Квартира состояла из двух комнат: средняя спальня и слишком большая для двухкомнатной квартиры зала. Ремонт старенький, отживший свои светлые года, но качество материалов позволило сохранить стены в более или менее приличном виде, так что в гости приглашать не было стыдно, а сама Лили ощущала некую авангардную атмосферу. В первые недели после переезда сюда, вайб окунул ее в те места темной, но при том настоящей литературы, которые она помнила; со временем он начал блекнуть, но до конца никуда не исчез. Особенно ей нравилось сидеть у себя на кухне, где под окном был широкий подоконник, на который спокойно она садилась с телефоном или реже книжкой в руках. Она не курила сигарет, но на такой кухне ей всегда хотелось, но Лили ограничилась лишь бокалом красного – стоит заметить еще и дешевого – вина. Почему дешевого? Опять же здесь

играло ее желание хотя бы искусственно погрузиться в ту атмосферу, в которой ее материальное положение не позволит ей оказаться; к тому же в винах она совсем не разбиралась и пила редко.

В шесть часов вечера она снимала обувь в своей прихожей, придерживая носком кеды другой, чтобы не приходилось неудобно нагибаться. Она положила ноги в мягкие тапки и пошла в ванную комнату. Интересна была ее спальня, где она проводила большую часть своего времени, так как эта комната была самая неприбранная по сравнению с остальной квартирой. Кровать, конечно, всегда была незаправленная, на полке лежало разное барахло, мусор...

Она зашла в свою спальню и упала устало на кровать. Она забыла перед выходом проветрить комнату из-за чего затхлый воздух нервировал ее и мешал нормально расслабиться. Лежа, она повернула голову к окну, убедилась, что правда забыл его открыть и лениво вздохнула; минуты две она думала над тем, стоит ли вообще вставать сейчас... Потом она все же поднялась и повернула ручку, дабы вздохнуть свежий воздух. Повезло, на улице не было жарко и воздух спокойно передвигался по дому. Она вернулась к тому же положению и закрыла глаза, но не чтобы уснуть. В таком полусонном состоянии она проводила около получаса в день, а иногда и больше, пока не надоест. Ей нравилось благодаря такому времяпрепровождению ощущать что-то эфемерное, витаать в мечтаниях, но при этом далеко не уходя от реальности.

Такую особенность в себе она обнаружила еще будучи подростком. Для погружения в такое состояние уходило в среднем от десяти до пятнадцати минут, на протяжении которых нужно полностью расслабить тело и закатить веки, стараясь как можно дальше уйти от мира сего. Каждый день она этого не делала, но в последнее время с этим участила.

В это время постучали по двери и Лили быстро вернулась в себя. Она забыла, когда последний раз к ней кто-то приходил, за исключением доставки еды, чьими услугами она воспользовалась один раз. В основном она готовила дома и наслаждалась этим процессом, который не был для нее изнурительным – так она хоть как-то проводила это бесконечно текущее время.

Посмотрев в глазок, Лили увидела незнакомого мужчину, достаточно пожилого на вид. Она открыла дверь и поздоровалась с незнакомцем.

– Здравствуй, а здесь живут... – он пробурчал чью-то фамилию, она не смогла разобрать, но ясно поняла, что этот мужчина ошибся.

– Нет, вы, кажется, ошиблись квартирой. – сказала она тихим голосом, который поначалу отдавал хрипlostью, потому что давно не говорила, но после откашливания все нормализовалось.

– А может знаете какая квартира?

– Нет, извините, до свидания. – попрощалась она резко и закрыла перед ним дверь, не задумываясь о том, как это

дерзко и моветонно могло выглядеть со стороны.

От молодых девушек редко ожидают такой грубости, но если когда-то такое происходит, то на это всегда есть причины, в отличие от юношей, которые непонятно из-за чего становятся злыми.

Лили вернулась в спальню и легла опять же на кровать. Теперь не было у нее желания витать в облаках сознания, поэтому она просто думала о чем-то с открытыми глазами. Такая деятельность была ей не по душе, так что она резво в очередной раз поднялась, но уже с полной надеждой, что в скором времени не вернется в эту комнату. Но чем можно было бы занять себя в пустой квартире, если ты в компьютерные игры играть не любишь, а заниматься какой-то умственной деятельностью просто лень? Она, думая над тем как бы избавиться от издирающей тебя изнутри скуки, пришла к выводу, что проголодалась и пошла на кухню. Почти пустой холодильник предстал перед ней, однако на внутренней части дверцы, на одной из полочек, лежали овощи, а точнее два помидора и один огурец. Она решила сделать летний салат, порезав овощи, добавив соль и залив конечный результат подсолнечным маслом – хоть она любит оливковое, но недавно оно закончилось. С этой стеклянной миской в руках она прошла пока в гостиную, включала телевизор, пощелкала пультом, поняла, что ничего интересного нет и выключила его. Затем, она взяла из спальни телефон и нашла залипательное, легкое для просмотра видео. Вот так минут

пятнадцать она провела. Когда голод был утолен, ее начало клонить ко сну и она поддалась спокойно, без борьбы этому тяготеющему чувству. Потребовалось буквально несколько минут, чтобы она забылась сладким, но как оказалось не совсем, сном.

Странно, почему именно такие ассоциации сопровождал собою сон: она представила себя женщиной, скорее всего аристократкой, девятнадцатого века. На ней было надето прекрасное черное платье, туфельки идеально гармонировали со всем внешним видом и на голове красовался причудливый с первого взгляда бант, но весьма элегантный. Она сидела в карете одна, только кучер вез ее куда-то по брусчатой дороге, проезжая мимо таких же статных пешеходов и карет других господ. Сама она сидела внутри, поникнув головой и теребя пальцами какой-то лоскуток. Она понятия не имела куда направлялась эта карета; смутная, не четкая картина перед ее глазами от первого лица во сне, позволяла общие черты внутренней отделки этого старого транспорта рассмотреть, но кроме красного бархата, визуальнo красивых вышивок тканью золотого цвета она больше ничего важного и интересного для себя не заметила.

Сон порой может передавать исторические и не только сценки настолько реалистично, что ты сталкиваешься с мыслью: «А что если я сейчас нечаянно коснулся настоящей истории, не той которую мы видим на картинах, читаем в книжках, а самый что не на есть настоящий дух того времени, ко-

торый не вернуть никогда?». Происходит так редко и не со всеми, особенно сам по себе факт осознания, что именно так и было, но если такое случается – это непередаваемое ощущение. С чем-то подобным столкнулась сейчас Лили.

Спустя мгновение карета остановилась, кучер бегом пошел отворять дверь и предложил ей свою руку для помощи. Она с радостью приняла это предложение и улыбнулась самой правильной для того времени улыбкой, что подтолкнуло ее на мысль, как же она хорошо вжилась в эту временную роль. Перед ее глазами очутился роскошный, помпезный дворец, который был уж слишком большим и величественным для нее. Некая дрожь прошла по телу от такой картины, но она собралась с силами и вошла внутрь, ожидая фантастический, сказочный бал, на котором ее пригласят на танец разные господа. Примерно так и оказалось: огромный центральный зал светился золотом и настоящей дороговизной. Ее встретили удивленным взглядом, шепот пробежал в толпе. Она ощутила на себе внимание публики и возвеличила себя до неузнаваемости, что ее саму поразило. Прошло время, сон тоже это не кино, так что не все передавалось с точностью и нормально синхронизировано. Следующая картина была такой: она стояла в центре с молодым человеком и они танцевали вальс. Он вел ее, схватив крепко за талию, а она смотрела прямо ему в глаза, будто ведя какую-то зрительную борьбу с ее товарищем. Музыка закончилась, все разошлись по разным сторонам, собравшись во множество

кружков. Она нашла свою компанию, в которую ее привлек этот же самый мужчина, представив своим друзьям Лили как давнешнюю знакомую, с которой они провели много времени вместе. Она продолжала держать себя подобающе, с немного приподнятой головой и идеальной осанкой. После знакомства началась беседа, которая для Лили звучала примерно как язык жестов, с иногда выскакивающими клочками речи. Долго это не продолжалось и сразу, спустя несколько мимолетных переходов, она очутилась в карете, но уже в другой: единственную разницу, которую она смогла заметить – это колорит цветов и другого материала обивка, а также, конечно, присутствие нового спутника. Они молчали и даже не переглядывались друг с другом: Лили каждый раз поворачивала свою голову в его сторону, но его взгляд постоянно был устремлен на убегающую дорогу. Показалось на секунду, что она и впрямь обиделась, как настоящая кокетка того времени из-за недостатка внимания к своей персоне, особенно будучи женщиной, но он являлся слишком непоколебимым мужчиной: ни громкие вздохи, ни легкие касания ее руки – ничего не отвлекало его. Она в свою очередь подумала, что будет смешно резко схватиться за его фрак и повернуть лицом к ней – так она и поступила. Лили, как только ухватила своими ноготками за плечо мужчины и повернула к себе, то увидела перед собой ужасную физиономию, скорее даже жуткую, от которой не хотелось блевать, а скорее молча страшиться этой картины. Лицо было так знакомо,

но одновременно с этим настолько изуродовано, что не было никакого шанса без искривления гримасы взглянуть на него. На лице у нее она ощутила тяжелые капли слез, которые застыли под глазами: две на правой щеке, три на левой. Камера как бы сместилась, благодаря чему Лили смогла увидеть свое бледное лицо со слезами и черными ресницами, кончики которых в виде угольных бусинок ударялись в подбровную часть кости. Она застыла, страх заполнил всю ее душу...

Тут она проснулась, открыв веки и тяжело дыша. Она подняла свое тело, посмотрела в окно и увидела ранний нежный рассвет, который сонливых сразу клонит ко сну, а бодрствующих наоборот. Лучики света освещали некоторые области ее кровати. Солнце встретило ее вполне дружелюбно и с некой теплой любовью, что даже дало улыбке на секунду промелькнуть на устах. После, Лили отвела взгляд от этого пейзажа, взглянула на время, упала головой на подушку и горько заплакала, прикрывая свое лицо руками, не давая стеклянным слезам остаться на щеке.

Есть такое „Я“

– Пожалуйста, не забудь это передать тете Наташе, а то она приболела, а тебе и так по пути. – сказала мать юноши и поцеловала его. – Давай, потом позвони мне, вечером.

Молодой человек ушел с пакетом, в котором лежали контейнеры с разными супами. Он был студентом юридического факультета на втором курсе. Отца уже как два года не было, по причине неожиданной остановки сердца. Матери после

его смерти передан был бизнес, который начал приносить в два раза больше дохода, чем в последние годы. Она обладала даром отличной руководительницы и к тому же это никак не конфликтовало с ролью заботливой, любящей мамы в семье.

Юношу звали Эдвард, сокращенно все друзья звали его Эд. На юрфаке он не слыл как умный, с интересными мозгами молодой человек – он не был отличником, но на хорошиста (если уместно такое слово использовать при характеристике студента) вполне себе претендовал. Все общались с ним нормально и у него был свой узкий круг общения, в который входило два, три человека. В глазах знакомых он представлял жизнерадостным, открытым, общительным, заурядным в плане личностной характеристики человеком. Никто не видел его в картине очень успешной жизни, где Эдвард может позволить себе все что угодно – для них он скорее был человеком, который будет подниматься по самой стандартной и банальной социальной лестнице, где ближе уже к старости он и вправду будет занимать один из важных постов либо же после смерти матери ему передастся весь отцовский бизнес. В какой-то степени они правда были правы, но упустили, а точнее никак не поняли, что внутри этот юноша был все же другим и чуть ли не каждый день, после того как была окончена школа, он размышлял над собственной судьбой и боролся с внутренними искусами; но стоит уточнить, что эти испытания не были слишком жестоки и трудны – не для преодоления, а при желании забыть об этом. Его не занима-

ли на длинном расстоянии мысли, поэтому в большинстве случаев, когда он снова опускался в эти темные дебри самокритики, его хватало только на десять, двадцать минут, но не более получаса, потому что он легко забывался в самой реальности, когда слышал уведомление в телефоне или звонок от друга.

Среди знакомых он был весельчаком и старался быть на радостной ноте, но среди близких друзей Эд не был таким жизнерадостным и общительным, хотя и никогда не впадал в глубокую меланхолию. И он никогда не играл роли, представляя себя актером – он на самом деле так себя ощущал в таких компаниях. Грубости от него никто не мог бы ожидать, но в один день, Эдвард был на грани срыва, которое могло бы знатно подбить его обычное, ежедневное настроение, которое, если представить настрой как отрезок с двумя противоположными направлениями, ближе стояло бы к правой стороне, то есть хорошему.

Сидя в автобусе с пакетом на коленях и смотря на городской пейзаж через стекло, он ожидал своей остановки. Автобус был наполнен битком и ему хотелось уступить место пожилому человеку либо же ребенку, но заметив вокруг себя только молодежь, которую давили с внешней стороны другие люди и им приходилось крепко держаться за поручни, немного наклоняясь в сторону сидений, он решил не вставать и оставить все как есть.

« Я уже и забыл, где живет эта тетя Наташа. Кажет-

ся, в том подъезде... или... – он перебирал в воспоминаниях картинки и пытался вспомнить правильный адрес, на что потратил немалое количество время, но в конце концов добился своего. – Точно! Значит, мне надо будет выйти на следующей остановке, которая... – тут он заметил, как автобус тормозит, наклоняя всех пассажиров в одну сторону. – Сейчас, надо выйти сейчас! »

Он извинился несколько раз, протиснулся сквозь людей, которые старались дать ему прохода, но из-за тесноты это мало получалось, и в самый последний момент он успел выйти, точнее даже выкинуться из транспорта.

Прямо перед его глазами появился тот самый подъезд, который ему так долго пришлось вспоминать. Сделав шаг, Эдвард наступил смачно в грязную лужу от дождя.

– Черт! – процедил он сквозь зубы и ударил подошвой несколько раз о сухую землю. – Да бли-и-и-н...

Он оглядел обувь по бокам – она вся была испачкана. Но несколько листочков с дерева смогли немного исправить положение в лучшую сторону, хотя абсолютно чистыми, какими они были, стать им не довелось.

« Хоть бы не так заметно, так что все хорошо. »

Но эта была не единственная неприятность, которая приключилась с ним в тот день. Встав у входной двери в подъезд, он понял, что ему должны ее открыть. Эдвард взял телефон и позвонил маме, чтобы она сообщила Наташа об этом, но мама не брала трубку. Десять минут он ей звонил: резуль-

тат оставался тем же – гудки проходили, но отвечать на звонок она не собиралась. Его это разозлило, но просто уйти, не оставив пакета Наташе, ему не хотелось. Он решил постоять у входа и подождать, пока любой другой житель этого дома откроет дверь и войдет внутрь.

Прошло полчаса и ни один человек за все это время не зашел в нужный подъезд либо вышел оттуда. Эдварда это удивляло и бесило, но другого выхода не было. Он вспомнил про мать и решил заново попытаться удачу и эта тщетная попытка не увенчалась успехом. Нервно положив телефон в свой карман и проклиная все и вся, он взглядом зацепился за одну пенсионерку, которая направлялась напрямиком в его сторону.

«Пожалуйста, пожалуйста, скажи, что ты здесь проживаешь. Умоляю, а то я здесь в конец с ума сойду.»

Старушка правда оказалась жительницей этого дома. Она встала у двери и рыскала долго в сумочке, после чего достала ключи с магнитом, который позволял ей без труда войти внутрь, приложив к панели с цифрами. Дверь запипикала и Эдвард почувствовал свой шанс:

– Извините, я здесь не живу, но мне нужно передать что-то...

– Таких, как вы, много, поэтому извините, но нет. Не впус-
щу. – пробормотала пожилая женщина, но для Эдварда ее голос звучал как шипение змеи.

– Так я же к Нат...

– До свидания! – не дала она ему договорить и вредно растянула гласные, прощаясь с ним.

Он отчаянно припал к двери и постучал кулаком, но никакого ответа не последовало.

« Да что ж за день-то такой! Мама не отвечает, в лужу наступил, старая карга не дает войти внутрь и спокойно передать супы... Бред и идиотизм. »

Стоя опять у забора, оперевшись ногой, его осенило, что он даже не знает этаж и номер квартиры.

« Ну и чем я думал?.. Стоит дозвониться до мамы. »

Но мать все никак не отвечала. Спустя час ожидания ему окончательно это надоело и он ушел в кромешной тьме оттуда. Нахмутив брови, он шел быстрыми и твердыми шагами по направлению к своей квартире.

« Ох, что-то я слишком зол сегодня, хотя понятно почему. Непривычно плохой день выдался для меня. Самое смешное, что я так и не передал этот злосчастный пакет этой тетке. „Для тебя это не составит труда“ – ну да, конечно, вообще не составило. Где вообще она держит свой телефон?.. Когда я пропускаю один ее звонок – то это уже конец, а она спокойно может игнорировать меня весь день, хоть и я уверен не специально. Не честно, просто не честно... – Эдвард увидел перед собой лужу и усмехнулся, обойдя ее аккуратно. – Было бы замечательно опять наступить на что-то. Странно, а что это я заметил сейчас лужу, разве я не должен в очередной раз намокнуть и испачкаться?.. »

Такой же сегодня у нас день! – жаловался он на жизнь, но не с язвительной горечью. – Ну, лучше успокоиться на самом-то деле и все будет нормально. Тяжело это сделать, да, но стоит постараться... »

Уже пройдя несколько улиц, он вошел в подъезд и поднялся на нужный этаж. Он немного остыл и злость не распирала его, но на это свободное место засела грусть. Он сразу пошел в спальню и лег в кровать, дабы поскорее уснуть и забыть этот день навсегда, но мысли провоцировали бессоницу и отбивали напрочь желание уйти в яркий, а может и нет, сон. Эдвард постоянно размышлял о своем положении, в котором он поневоле пребывал. Но почему поневоле?

« Поддаться мнению других людей – это было, пожалуй, моей ошибкой, которая сильно повлияла на мою жизнь. Надо было до конца отстаивать свою позицию... Хотя о чем я говорю, если даже эту самую „позицию“ ни разу не показал? Я откровенно слабый человек, поэтому мне будет тяжело осуществить свои прихоти и желания. Винить во всем маму глупо, конечно, и не стоит, но факт того, что она приложила к этому руку и даже сыграла самую важную роль в этом решении – отрицать нельзя. Да – я тюфяк и с этим мне как-то придется жить в дальнейшем. Я еще на что-то надеялся... Глупо, очень глупо и по-дурацки все вышло, а так не должно быть все же. В этом случае не думаю, что сработает поговорка: стерпится – слюбится; хоть я и не в совсем правильном контексте использую это изрече-

ние. Но, вдруг и вправду слюбится?.. Я откуда могу знать? Эх... Ужасный, скучный юрфак... Как я вообще смогу туда ходить еще два года, когда мне это профессия совсем не по душе? И что с этим делать? Можно взбунтоваться и убедить маму, что каждый день я страдаю из-за этого... нет, не так – уж слишком я звучу трагично и жалко, в то время как на самом деле все не настолько ужасно, хотя и далеко не хорошо. Просто надо с ней серьезно обсудить этот вопрос и прийти к нормальному выходу из этой ситуации. Она же понимающий человек, к тому же моя мама, так что все будет хорошо, главное решиться да и все с этим. – он вдохновился этой идеей и принял окончательное решение. – Завтра поеду с утра к ней, она как раз дома будет и начну беседу. »

Он лег на бок и заснул.

Следующим утром, проснувшись от будильника в девять часов утра, он пошел пока в ванную. Прodelывая всю стандартную утреннюю рутину, мысли не отходили от него ни на шаг и в первую очередь его беспокоило, как ему стоит подвести к этой теме либо же вообще с чего начать этот разговор? Важную также роль играло здесь ее настроение, от которого зависел исход этой беседы.

« Стоит ли раскрыть все карты ей или же аккуратно намекнуть? Вот с этим беда; я не знаю, как правильнее поступить в данной ситуации. Уж больно я зависим от ее мнения, так что нужно здесь включить свою проницаемость

на максимум. – рассуждал он и чистил зубы, махая щеткой то вверх, то вниз, после чего проявилась белая пена на кончиках рта. – Когда я начинаю мямлить – этого она тоже не любит. Осторожность в общении с ней нужно держать постоянно на должном уровне. – Эдвард положил щетку в стаканчик, вытер полотенцем лицо, разделся и намерялся принять душ, на что уходило не более пяти минут. – Хотя, мне кажется я нагнетаю. Так обдумываю каждый свой шаг, как будто иду продавать душу дьяволу. Нет, все же она моя мать и должна понять, даже если ей и не очень понравится эта идея. Ну, а в противном случае придется прийти к чему-то другому; там уже будем думать... – Эдвард был любителем горячего душа, так что зеркало быстро запотело и покрылось мутным слоем, который уничтожал главную функцию этого предмета; он вышел с полотенцем, обернутым вокруг пояса, и в спальне принялся надеть уже подготовленную им самим одежду, которая лежала на кровати. – Ну... – он держал перед собой майку и смотрел на нее, но затем опустил руки и вздохнул. – Обидно, я искренне надеюсь, что все пройдет хорошо для меня и я уйду счастливым, но если так не будет, то грусть еще сильнее поробатит меня. И это тоже надоело! Каждый раз о чем-то думаю и по итогу впадаю в какую-то ненужную, бессмысленную депрессию, от которой избавиться тоже нелегко. Нет, кажется, все эти намерения не стоит осуществлять в жизнь. Ничего и так не выйдет, здесь хорошо было бы прий-

ти к другому выходу, более или менее ориентированному на мои личные действия, благодаря которым получится изменить ход моей жизни, не позволяя в нее вникать другим людям. Да, точно, тупая была затея. – он бросил эту майку обратно на кровать к джинсам, а сам надел домашние шорты. – Теперь интересно будет подумать над этой темой и решить с чего же мне стоит начать реализовывать свои прихоти. Знаю ли я вообще чего хочу от этой жизни? В общих тонах, вроде да; но конкретно-то? – он застопорился на секунду и глубоко ушел в себя, выискивая ответ на этот легкий, казалось бы, вопрос. – И вправду... Единственное, что я знаю и в чем уверен, так это в моем желании изменить свою жизнь и поменять вектор развития, но в какую сторону, нужно признать, я без понятия. Эх... »

Эдвард посмотрел на одежду и все же решил выйти, но просто проветриться на улице. Он, как только полностью оделся, взял смартфон и набрал номер своего ближайшего соратника, с кем он проводил больше всего времени. Гудки проходили и только спустя несколько гудков, он поднял трубку:

– Але?

– Здорова, хочешь прогуляться? – спросил Эдвард, придерживая телефон ухом, пока он надевал кеды на ноги.

– Слушай, у меня сейчас пара и ты немного не вовремя.

– А, понял, извини.

– Но ближе к вечеру можно будет. Короче, напишу тебе,

давай.

Разговор был окончен и Эдвард с серым настроением вышел из дому на свежий воздух. На улице моросил дождик, но наличие яркого солнца на небе говорило о том, что скоро он закончится и сильнее точно не пойдет. Внешняя среда совсем не гармонировала с внутренним состоянием Эдварда, что не очень хорошо сказывалось на нем: этот конфликт привел к своеобразному когнитивному диссонансу, но в узком понимании состояния души. Царивший внутри него настрой противостоял внешним факторам, которые старались повлиять на Эдварда, от чего он не был против и сам считал себя достаточно зависим от погоды, но пока в этой борьбе доминировал больше внутренний безжалостный настрой, не позволяющий себе терять позиции, хотя потихоньку это происходило.

«Наверное, дурно так говорить, но я не знаю кто есть я на самом деле и что из себя представляю. Не знаю, может я и вправду начинаю маленькими шажками сходить с ума, но уж слишком звучит это для меня жизнеутвердительно. Я сам хоть и грущу, но это выскозывание, диагноз, который я сам себе вывел, никак не расстраивает меня, что честно сказать неудивительно, потому что уже долгое время это мысль, не оживленная в слова, на интуитивном уровне витала во мне, так что к этому я был готов во все оружие. Но что я могу с этим поделать и должен ли я с этим вообще что-то делать? Сходить к психологу, вроде, пока рано»

вато, стоит подождать... Но сколько? Когда я пойму, что вот, этот знаменательный момент настал и нужно идти на сеанс? – он сел на стоящую в одиночке лавочку, которую сзади прикрывали стволы деревьев. – Неужто я обречен? – неожиданно для самого себя изрек он. – Хах! Ну, прикольно, что я могу сказать, раз опустился до такого. И при том опять та же проблема: я думаю, думаю, рассуждаю, но ни к каким действиям это не приводит. Даже сейчас, я понимаю, что не стоит вообще на эти размышления тратить время впустую, но при этом все равно делаю это. И плюс к тому ж... Нет! Все, хватит, надо что-то делать, не могу я так больше! »

Он решительно встал и уверенно пошел по непонятной тропинке, которая вела к детскому саду. Тут он приостановился, подумал немного и развернулся на сто восемьдесят градусов.

« Иду домой к маме и... А может и нет. – он опять остановился и вспомнил про вчерашний пакет для тети Наташи. – Да, лучше прихватю и его с собой; зато предлог будет, почему я пришел к ней. – он пошел обратно той же самой дорогой, которой он добрался до сюда. »

Подходя ближе к дому, у него зазвонил телефон и он ответил. Это был как раз тот самый друг, сидящий на паре. Он позвал Эдварда прогуляться, на что получил согласие, но как бы с натяжкой.

« Ладно, лучше отвлечься от всей этой суеты на некото-

рое время, а к маме я пойду уже потом – ближе к вечеру. И так она никуда не денется, ничего страшного. – решил он и пошел встретиться со своим другом. »

Прогулка была обычной и занятой для Эдварда: настроение у него поднялось и возвращался он домой на совсем другой ноте, но подходя все ближе, те же самые мысли возвращались в свое русло, несмотря на его старания предотвратить этот процесс. Но, конечно, ничего не вышло и никакие усилия ему не помогли.

« Черт, черт... – он ходил по квартире с мутным взглядом. – Опять я начал по новому кругу идти. При том я же реально физически не могу этого остановить, никак! Это очень странно... Ладно бы думать, но можно же и воплощать все эти мысли в жизнь, а я этого не делаю. Нет, походу я правда обречен... Не могу, не могу остановиться! Хорошо, тогда поступим так: раз уж этот процесс никак не прекратиться сам собой, придется просто направлять мысль в нужную и выгодную для меня сторону. Например... »

Эдвард почувствовал голод и открыл холодильник, чтобы достать уже приготовленный мамой суп и разогреть его. Параллельно он продолжал рассуждать, совсем себя не жалея. Этот акт напоминал собой оригинального рода жертвоприношение, но никто не знает для кого; жертвой являлся, конечно, он, а ради кого или чего это происходило было неизвестно. Он потерялся в этом порой сложном лабиринте жизни, из которого выход находят, в принципе, все, но способы

и методы прохождения чрезвычайно различны. В ситуации Эдварда, можно высказать ради красного словца предположение, что он оказался в очередном тупике, в который упирается постоянно, при этом других путей обхода не видит, кроме как не самых честных, что общепринятыми правилами не запрещено, но весьма страшно и опасно решится на такой проступок. Он перебегал от одной стенки к другой, прекрасно понимая, что ничего толкового из этого не выйдет, но пока на горизонте мысли других идей не появилось.

Эдвард лег, предварительно включив кондиционер, укрылся одеялом и, скукожившись, принял ребяческую, детскую позу. Глаза были открыты и не хотели смыкаться.

« Эх, а как было круто в школьные годы, когда все друзья собирались вместе и общались друг с другом, иногда ссорились... Учителя тоже часто не давали покою и каждый раз портили настроение, порой даже без причины. Но все равно те времена были веселы сами по себе, чего мне, надо признать, не хватает. Я запутался и уже давно; выпутываюсь каждый день, но не серьезно. Грустно и виноват во всем только сам я. Даже вот сейчас, вся эта самокритика просто не к чему – это и так никуда не приведет меня, ни к кому хорошему результату. Все будет так, как есть сейчас. И неужели настолько ли плохо то, что сейчас происходит вокруг меня? Судя по своим ощущениям, кажется, да... хотя тоже зависит, например, сейчас я явно недоволен... Но в общей сложности?.. Нет, здесь мне нечем заниматься –

все сводится к одному и тому же. Я банально не знаю, что является для меня счастливой жизнью и чем я хочу заниматься. Я просто не знаю, вот и все... – он выдохнул и ушел в крепкий сон. »